

УДК 72.01

С.П. Хохлова

**Неопределимость архитектуры в теории
Бенуа Гетца, Филиппа Мадека и Крис Юнес**

Аннотация:

В статье анализируется концепция французских теоретиков архитектуры Бенуа Гетца, Филиппа Мадека и Крис Юнес, в которой осуществлена попытка освободить представление об архитектуре от излишней рационализации, технизации и однозначности через ее «де-дефиницию» и признание в качестве ее сущностной характеристики пограничности (лимитрофности).

Ключевые слова: архитектура, антропология архитектуры, архитектурный проект, архитектурное образование, архитектурная онтология

Об авторе: Хохлова Светлана Павловна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: hohlova_sv@mail.ru

В настоящее время мы наблюдаем настоящий бум литературы, посвященной архитектуре и градостроительству, в том числе проблеме их определения, понимания и описания. В России эта тенденция появилась несколько позднее и развивается медленнее, но и здесь выходит множество книг архитектурной тематики. При этом, с одной стороны, в них преобладает ставший традиционным формально-стилистический анализ, а с другой стороны, – представление об архитектуре начинает размываться в рамках социологических и урбанистических теорий. Менее всего представлен в отечественных исследованиях феноменологический подход. Тем интереснее рассматриваемая книга, находящаяся в русле европейской феноменологической традиции. Ее авторы – философ Бенуа Гетц, профессор университета Поля Верлена в Меце, Филипп Мадек, архитектор и урбанист, один из создателей концепции экологической ответственности, работавший в различных французских архитектурных школах, и философ Крис Юнес, преподавательница высшей национальной архитектурной школы Париж Ла Виллет, в издательстве которой в 2009 году вышла их совместная книга. Школа Париж Ла Виллет основана в 1968 году и в качестве

одного из принципов обучения провозгласила противостояние академизму⁴. Пожалуй, именно во Франции в Новое время академические традиции в искусстве и науке были особенно сильными и оказали влияние на другие страны, в том числе на российскую культуру. Во Франции они же инициировали активное антиакадемическое движение. Современная французская мысль особенно восприимчива к феноменологии искусств и порождает тексты, сближающиеся по своему стилю с эссеистикой, что не умаляет их теоретической значимости и эвристической ценности. Рассматриваемая книга французских авторов, очевидно, вызвана не только теоретической необходимостью, философскими онтологическими и эпистемологическими поисками, но и кризисом новоевропейской образовательной модели и практикой преподавания в архитектурных вузах. Затрагивает она и научную этику. Само слово «дисциплина», означающее и преподаваемый предмет, и подчинение существующим правилам, оказывается точкой схождения различных проблем.

Книга представляет интерес не только собственной концепцией, но и обширным исследовательским полем, в которое она вовлекает. Ее текст имеет характер не фундаментального труда, а живого рассуждения, хотя по нему рассыпано множество ссылок на авторитетных западных интеллектуалов – и ставших классиками и широко у нас известных Мартина Хайдеггера, Роллан Барта, Мишеля Серра, Петера Слотердайка, и почти не переводившихся на русский язык Анри Мальдине или Владимира Янкилевича. Вторую часть книги составляет принципиально несистематизированная подборка определений архитектуры.

При том, что определение архитектуры, в силу ее комплексности, среди других сфер культуры особенно затруднено, в рамках академической традиции, а также среди обывателей, она понимается чаще всего однозначно. Авторы книги, в противовес, не выносят окончательного решения, а лишь ставят проблему.

Представление о неопределимости, как и неопределенности явления не ново. Его истоки можно увидеть в апофатической теологии, отрицающей возможность позитивных определений Бога. Начиная с Новейшего времени трансцендентное в качестве поля приложения мысли уступает место повседневному, которое не столько неопределимо, сколько неопределенно. Так, в середине XX века Абрам Моль писал в связи с культурой: «...Мы будем придерживаться «незамкнутого» определения, которое (в отличие от «замкнутых», знакомых нам, например, из геометрии) всегда остается открытым для

⁴ [Charte de l'école] Режим доступа: <http://www.paris-lavillette.archi.fr/uploads/file/ecole%20presentation/charte%20ecole.pdf>

поправок и дополнений. Понятие о «расплывчатых явлениях», то есть таких явлениях, которые можно очертить, но нельзя строго определить, так как они «растворяются» в собственных определениях, составляет, в сущности, одну из весьма важных идей, которыми гуманитарные науки обогащают науки точные» [5].

Среди составляющих архитектуры авторы называют как взаимодополняющие, так и антиномичные понятия и феномены: искусство и наука, жилище и структура, пустота и наполненность, материя и пустынность (авторы используют здесь слово “*essart*”, буквально означающее раскорчеванный участок земли).

В российской традиции проблема понимания архитектуры специально не ставилась. Неявно сформулированный подход основан на одном из наиболее авторитетных учебных пособий отечественного искусствоведения – «Введении в историческое изучение искусства» Б.Р. Виппера, который в частности писал: «именно способность изображения и отличает художественную архитектуру как искусство, от простого строительства» [2, с. 219]. Эта кантианская в своей основе установка приобрела впоследствии отчетливо выраженный семиотический характер, с характерным для семиотики дуализмом означающего и означаемого. Вслед за Виппером выделялись также эпохи, ориентированные на архитектурную телесность или же пространственность. В обоих случаях в качестве носителя смысла (изобразительности) выступает архитектура как физическое тело, имеющее визуально более или менее ясные границы. Для рассматриваемых французских авторов такой подход не актуален. В подборе определений архитектуры, встречаем, например, высказывание Ролана Барта, который призывает отказаться от сведения представления об архитектуре к «отесыванию» материала [8, с. 11]. Пространство также понимается более широко, оно не столько физическое, сколько умозрительное. Но в любом случае, «архитектура больше чем пространство, она промежуток, живая протяженность». Архитектура далека от простого расположения «между», она артикулирует это измерение подобно тому, как лук натягивает тетиву [8, с. 39].

Архитектура представляется авторами как действие и среда. Она играет, и ее, как и музыку, невозможно охарактеризовать пока не услышишь ее «игру». Архитектурная игра – это и обиход (*usage*), и обитание (*habitation*), и фланерство, и путешествие. При этом архитектурное сооружение всегда побуждает к изобретению новой игры и, таким образом к ее (архитектуры) идентификации и ре-идентификации. Более того, архитектура заново наделяет смыслом место («дает новый смысл небу и земле»), которое в свою очередь

определяет наше в нем движение и существование [Там же]. Архитектура включается в логику взаимозависимости. Как пишет современный американский архитектор Том Мейн, архитектура – это не объект, поставленный здесь и сейчас, она преобразует и реконструирует пейзаж [8, с. 39]. Согласно французским теоретикам, архитектура имеет размытые границы и хрупкие очертания. Она не просто граничит, например, с землей, она с ней единосущна, неразрывно связана взаимной детерминацией.

В книге вводится множество неологизмов – в виде связок слов и частей слов (существительных, союзов, предлогов, приставок), что характерно для феноменологической традиции, стремящейся с помощью такой смазанности, смещенности относительно устойчивой структуры мира уйти от дискретности и создать феноменологическую картину мира с характерной для восприятия непрерывностью, континуальностью. Расшатывание привычных стабильных образов и понятий создает вибрацию неопределенности.

Один из разделов книги называется «Между-двумя (*entre-deux*) и третье (*le tiers*)» [8, с. 38]. По мнению авторов, благодаря архитектуре замкнутое «визави» человека и вещей разрывается и превращается из «между двух» (*entre-deux*) в «между трех» (*entre-trois*) – человека, вещей и Земли. Такой симбиоз авторы находят также в поэзии Рильке: «Не этого ли, земля, ты хочешь? Невидимой в нас воскреснуть? Не это ли было мечтой твоей давней?» (пер. В.Б. Микушевича) [6, с. 44]. При этом сама земля понимается ни как древняя стихия или Гея Гесиода, ни тем более как глобализированная планета. Исследователи соотносят ее с «легкостью» Ницше и «детерриториализацией» Делеза.

Граница превращается в переход (*passage*). Для обозначения пограничности архитектуры используется понятие лимитрофии. Оно заимствуется из книги Жака Деррида «Животное, которым я являюсь». Деррида поясняет, что важно не стирание границы, а усложнение очертаний, сгущение, подобное свертыванию молока, делинеаризация, складчатость. Архитектура разрыхляет границы, делает их пористыми, «впускает» в свои границы некоторые вещи.

Даже если, как это традиционно представляется, архитектура – это деятельность, направленная на установление границ, жизнь не перестает избегать этих границ. Архитектура, находясь с миром в отношении взаимодополнения, одновременно представляет собой границу и переход. Она несет в себе двойное движение: снятие движения в смысле предела и манифестацию-проекцию в мир. Одна сторона стены здания удерживает, другая – адресована миру. Внутренняя сторона угла – это комната, ее внешнее

лицо-фасад – это угол улицы. Стены, потолок, крыша определяют интерьер, внутреннее, и в то же время утверждают наружное. Они обращаются к предметам и стихиям, стена говорит с ветром, крыша с дождем, фундамент с землей, окна с солнцем. Все располагается в негомогенном континууме, в переходах состояний: плоское-объемное, внутреннее-внешнее, закрытое-открытое, горячее-холодное и пр.

Игра границ, переходов и трансгрессий приобретает большую роль, начиная с Георга Зиммеля и Жоржа Батая. Любая граница провоцирует бегство. Не удивительно, отмечают авторы книги, что архитектура без устали ищет выход из себя самой, чтобы лучше себя найти. Никакое искусство в этом смысле в большей степени не искушено отсутствием меры, чем архитектура, отмечает философ и писатель Люк Ришар. Архитектура более не сдерживает себя саму.

По распространенному представлению, архитектура – это определение и уточнение пространства. Уточнить значит разрезать. Архитектура делит пространство. Без деления протяженность – это «нигде», то есть и «повсюду». С тех пор как появляется архитектура, больше нет «нигде», больше нет «повсюду».

Проблема границы и дефиниции ставилась в древнегреческой философии. В «Меноне» Платона граница твердого тела – это не простой контур. Граница наделена могуществом порождения. Он позволяет твердому телу держаться в себе самом и достичь своей завершенности.

Для характеристики архитектуры используется понятие «пористость». Его впервые употребила Ася Лацис [3], оно также встречается в описании Вальтером Бенямином и Адис Неаполя: «Архитектура – пористая, как эта скала. Здание и действие запутываются в своих дворах, аркадах и лестницах. Во всем сохраняется пограничность (*marge*), которая позволяет им становиться театром новых непредвиденных констелляций. Избегается определенность, маркировка. Ни одна ситуация не является такой какая она есть, чтобы длиться вечно, никакая форма не утверждает: так, а не иначе» [Цит. по: 8, с. 44-45. Пер. мой – С.Х.].

По замечанию Анри Мальдине, греческое слово «*poros*» означает «переход», «дорогу», «брод» – все, что дает возможность перехода, лежащего в основе ситуаций, в которых постоянно оказывается человек.

«Пористость» (*poreuses*) архитектурных сооружений делает возможным взаимодействие архитектуры, Земли и людей. Взаимная детерминация раскрывается как судьба. Движение с непредсказуемым итогом способствует приспособлению человечества

к ситуации неопределенности. Все это меняет традиционное представление об архитектуре. Расположенность к вторжению постороннего – воздуха, света, звука, живого действия и взаимодействия – выдвигается в качестве сущностного свойства архитектуры. «Плотная» (*compact*) архитектура возможна только в случае гробницы (*tombeau*) [8, с. 45].

Своей задачей авторы ставят не столько пересмотр старых (*re-définition*) или открытие новых определений архитектуры, сколько освобождение ее от определения (*dé-définition*). В качестве образца они приводят высказывание Петера Слотердайка относительно философии: современная философия нуждается сейчас не в новых определениях, которых уже и так слишком много. Опасностью для нее является усиление неосхоластики, определяющей академический дискурс и сосуществующей с другой опасностью – медиатизацией, которая заменяет рефлексию. Важнее, по мнению Слотердайка, не дефиниция философии, а де-дефиниция, де-схоластизация и де-конформизация [8, с. 45-46].

Как ориентир выдвигается «новый научный дух» (М. Серр), в котором философия перемещения вместо традиционного разделения прибегает к пересечениям (*intersections*), вторжениям (*interventions*), перехватам (*interceptions*). Заимствованная из латыни приставка «*inter-*» отсылает нас к срединности, промежуточности с ее двойственностью и неопределенностью. Вместо распределения больший интерес начинает представлять движение вдоль дорог, а зоны определенности уступают место узлам пересекающихся линий [8, с. 62].

Особое внимание уделяется в книге такой неотъемлемой составляющей архитектуры как проекту. Неоспорима его несводимость ни к пространству, ни к физическому телу, ни к графическому представлению, ни к вербальному описанию. Важна не только междисциплинарность (интердисциплинарность) проекта. Междисциплинарность включает уже определенные сферы знания. Проект же связывает еще неопределенное, «*inqualifiés*» (Там же). Кроме того, в нем неразрывно связаны мышление и действие.

Даниэль Пайо продемонстрировал, как архитектура в западной философии, начиная с Платона, была референтом системности и рационального освоения реальности (*Payot D. Le Philosophe et l'Architecte. – P.: Aubier, 1982*). Проектная деятельность ставит под сомнение созданный благодаря философам этот образ архитектуры как модели порядка, организации и когерентности [8, с. 63]. В проекте всегда есть неведомое, интуиция и поэтическая недосказанность. Проект – это временная категория, он осуществляет связь между прошлым и будущим, участвует в открытии еще не явленного. Остается открытым

вопрос, как возникает проект, какой мир он манифестирует или, наоборот, скрывает? В развитии от проекта до реализации вторгается множество разнообразных факторов, социально-экономических, научно-технических и культурных составляющих. Проект проблематизирует понимание «знания». Этимологически французское слово «знать» (*savoir*) связано с латинским «*sapere*» (иметь вкус, издавать запах). Первоначально оно понималось как знание некоторых вещей, затем – как способность заниматься искусством (*pratiquer un art*) благодаря знаниям (*connaissances*), но интегрируя мудрость (*sagesse*), интеллект (*intelligence*), и умение (*habileté*). В настоящее время оно сближается со знанием системным, рациональным и научным в ущерб опытной и практической деятельности. Архитектура же подразумевает герменевтическую интерпретацию ценностей, среды и места, и не может быть сведена ни к рациональной системе, ни к волеизъявлению [8, с. 64-65].

Согласно Мартину Хайдеггеру, отвечать за что-либо – это прежде всего означает отвечать чему-либо, то есть включаться во взаимосвязь. В «Письме о гуманизме» «этнос» этимологически связывается с проживанием, местом пребывания. Французский писатель и каллиграф китайского происхождения Франсуа Чен в соответствии с восточной традицией восприятия мира считает, что эстетика должна иметь в основании этику, и необходимо вернуться к отношениям, объединяющим все существующее на Земле [8, с. 65-66]. Архитектура представлена в книге как такое синтезирующее начало, как модель экзистенциальной ситуации неопределенности и сфера приложения ответственности современного человека за будущее человечества.

Библиографический список:

1. Беньямин В. Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Озарения. М., 2000. С. 153-167.
2. Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. М.: Изобразительное искусство, 1985. 580 с.
3. Зиммель Г. Руина // Зиммель Г. Избранное: В 2-х т.: Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 227-233.
4. Зон-Ретель А. Идеальные полочки [Электронный ресурс]. М.: Grundrisse, 2016. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/19368> (дата обращения: 21.12.2018).
5. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 407 с.
6. Рильке Р.М. Дуинские элегии 1912–1922 [Электронный ресурс]. München;Москва: Im-Werden-Verlag, 2002. Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/rilke_duineser_elegien.pdf (дата обращения: 21.12.2018).
7. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192-220.

8. Goets B., Madec P., Younes C. L'indéfinition de l'architecture. Paris: Éditions de la Villette, 2009. 131 с.

Khokhlova S.P. **The indefinability of architecture in the theory of Benoît Goetz, Philippe Madec et Chris Younès**

The article analyzes the conception of French architecture theorists Benoit Goetz, Philippe Madec and Chris Younès, who try to free the concept of architecture from the excessive rationalization, technicalization and unambiguous through its "de-definition" and the recognition the borderiness (limitrophy) as its essential characteristic.

Keywords: architecture, architecture anthropology, architectural design, architectural education, architectural ontology